

Лиды Плаха: жизнь, освещенная Октябрем

Натан Самойлович Рыбак, заместитель председателя Советского комитета сторонников мира, вернувшись из Праги, привез привет от друзей. Сразу встала рядом Прага. Во всех подробностях ожил тот день, когда с помощью пражских коллег-журналистов я разыскивала Лиду Плаху.

Как и шесть лет назад, при первой встрече, мы на этот раз увиделись с Лидой, связанной Юлиусом Фучиком, актрисой Пражского национального театра, в ее доме. Мемориальная доска у входа: «Здесь в 1941—1942 годах работал подпольный ЦК КПЧ. Третий этаж, табличка: «Лиды Плаха, Зденек Шаварда». В квартире, где подпольный ЦК по рекомендации Фучика принимал всемирноизвестную Лиду в партию, где вот уже тридцать лет ее дом, ее семья, не произошло перемен. Небольшие тихие комнаты, скромное убранство. Жизнь Лиды в искусстве началась со Дня Победы: тридцать с лишним лет назад, Зденек, ее муж, начал сценический путь еще раньше, до войны. Но галереи портретов, обильной для актерской семьи, здесь нет. Единственный фотоснимок на невысоком шкафу у стены: родители Лиды. Простые, спокойные лица. Плотник Богумил Плаха, душа деревенского любительского театра, и Мария, его жена, мать четырех детей. Тут же под стеклом фотографии, памятный мне цветок яблони...

«Расцветали яблони и груши...» Петь по-русски Лиду в дни фашистской оккупации научил Юлиус Фучик, «Юла». Окна плотно занавешены, днем за ними видны стены Панкраца. Гестаповская тюрьма постоянно маячила перед антифашистами. И не только символически. Многие члены подпольного ЦК были брошены в ее застенки. Фучику и его друзьям приходилось возобновлять деятельность подполья в страшной конспирации. Смелые, вернувшись с очередного задания, продолжали жить духом борьбы. По вечерам в квартире Южки, сестры Лиды, где Юлиус часто скрывался будучи редактором подпольного издания «Руде право», они вместе поют:

**Товарищи в тюрьмах,
В застенках холодных,
Вы с нами, вы с нами,
Хоть нет вас в колоннах!**

«Катюшу» Лиды услышит позже — в Равенсбрюке. От Наташи Козловой, девушки из Сибири. Узницы из «советского блока» для всех остальных в лагере были примером самоотверженности и духовной силы. Лиды к тому времени уже прошла сквозь ужасы гестапо. Ее, самую юную среди подпольщиков-коммунистов, палачи терзали с особым упорством. Это о ней сказал Фучик в «Репортаже с петлей на шее»: «Она знала многое — и не сказала ничего».

— Лагерь смерти стал для меня школой жизни. Я узнала там, что значит советский человек. Это знание помогает жить уже столько лет... А ведь

не все они были легкими. Наташа Козлова, сама измученная, беспомощная, становилась неустойчивой, вырывая меня из рук садистки-надзирательницы. Это происходило трижды. Каждый раз ярость эсэсовки оборачивалась против Наташи и ее подруг. Их избивали, бросали в блок, не давая хлеба и воды, потом раздетых выгоняли на мороз, заставляли бегом кружить вокруг комендатуры. Они бегали, разбитыми губами пели «Расцветали яблони и груши»... Так я научилась и песне, и безмерной силе коллектива. Коллектив — это было не просто слово для советских девиц, это было их образом мысли, содержанием жизни. Мы все выстояли благодаря им. И на побег решились, видя их мужество.

Трое суток несколько беглянок из Равенсбрюка прятались в лесу. На четвертые заночевали в пустой землянке. К рассвету земля задрожала от грохота танков. Когда настала тишина, Лиды выглянула из землянки первой. В двух шагах от себя увидела солдата с красной звездой на пилотке. И яблоню в щедром цвету. Еще вечером стояла черная, за ночь расцвела, словно в памятной русской песне.

...Лиды возвращалась домой. Несла матери ветку яблони — символ освобождения. Донесла-таки ее до Праги. Но мать не вынесла горя, не дождалась победы. В фашистских тюрьмах потерялся след всей семьи. Единственное, что осталось Лиде, — чудом сохранившееся фото родителей. Тогда и лег к нему под стекло цветок яблони. «Я не расставалась с ним, выходя на сцену».

К сцене еще в годы подполья Лиду начал готовить Фучик.

— Как он догадался, что театр — моя мечта? До войны, подростком, я выступала в любительском кружке при «Союзе друзей СССР». Но Юлеку не рассказала об этом: оккупация, борьба — казалось, не время. А он сам: «Лиды, ты должна учиться, и всерьез. Будем готовиться к экзаменам в театральную школу». Мы разыгрывали этюды, сцены из пьес. Экзамены начинались в июне. В мае 1942 года нас арестовали. Может показаться странным, но арест тоже сблизил меня с театром. На допросах было важно суметь сыграть роль, ввести в заблуждение врага. Я изображала наивную, глуповатую девчонку. Кроме того, искусство в тюрьме — крылья. Мы в камере не спрашивали новичка, откуда он. Спрашивали, какие стихи он знает. И тайком читали все — от Пушкина и Лермонтова до Вольтера. А в Равенсбрюке после невыносимых издевательств, голодных и замерзших, мы... писали пьесу. Что-то вроде пародии на мешанскую слащавую драму. Исполняли ее ночью, шепотом, и сцены, и зал — нары. Зато это был по-настоящему международный зрительный зал!.

В освобожденной Праге сорок пятого года у Лиды ни денег, ни одежды, ни родных.

И внезапно — приглашение к Божене Пульпановой, актрисе. «Я от Юлы», — говорит Божена. На допросах она виделась с Фучиком. Он шепнул: «Если вырвешься, разыщи Лиду Плаху. Помоги ей стать актрисой. У нее талант».

— Ты станешь актрисой — так хотел Юлек. — И Божена начинает с Лидой занятия по сценической речи. Затем — сценическое движение, история искусств. Уроки поочередно дают друзья Фучика — артисты, поэты, критики.

Осенью сорок пятого все вместе поставили спектакль о Фучике: монтаж из эпизодов его биографии, статей, писем, книг. Свою первую роль Лиды сыграла в этом спектакле. А затем — чешская классика — «Наши гордецы» Струпежничского и русская — чеховский «Медведь», гоголевская «Женитьба», «Доходное место» Островского. В пьесе «Прага остается моей», написанной Юрием Буряковским, драматургом — исследователем жизни Фучика, Лиды Плаха играет самое себя. Это было уже на главной сцене страны — в Национальном театре. В ЦК КПЧ сказали ей, члену Пражского горкома партии: «Ты нужна там, в национальном театре, где над сценой начертано: «Народ — для народа».

— Я хотела бы сказать, что всегда жила с убежденностью: художник не может стоять вне политической борьбы. «Я коммунист и никогда, нигде не буду пассивным свидетелем», — повторял Юлек. Звание коммуниста не дается пожизненно. Его нужно подтверждать каждым днем жизни, поиска, борьбы.

Лиды и Зденек подтверждают это. В подполье они боролись почти рядом, но встретились, соединили судьбу уже после войны, в Национальном театре, где актер коммунист Шаварда многие годы был профсоюзным вождем, секретарем парткома. В 1968 году Лиды и Зденек выступили инициаторами создания спектакля о В. И. Ленине. Играли его в рабочих клубах, на площадях деревень.

Как получилось, что я должна была разыскивать Лиду теперь? Ведь адрес не изменился, путь от центра Праги к району Винограды в памяти жив. Но сколько я ни повторяла этот путь, за дверью квартиры в ответ на звонок — тишина. И телефонную трубку ни утром, ни вечером никто не снимает. Тогда и пришел на помощь журнал «Прага—Москва». В самом конце моей командировки — оживленный голос из редакции журнала: «Едем, Лиды Плаха нас ждет!»

В по-прежнему молодых глазах Лиды — та же приветливость, так же легки и горделивы ее движения. Повидать ее я успела действительно чудом. Она рассказывает: «В Национальном театре чуть не сутками репетируем «Фонарь» Ирасека, премьера — сегодня вечером. Завтра запись очередных серий радиоспектакля «Семья Вондровых» — это хроника наших будней, а идея —

раскрыть за ними поэзию, помочь в обыденном видеть и создавать добро. Послезавтра — отпуск, и принадлежит он внучке, Мадленке. Да, уже внучка... Правда, бабушкой себя никак не чувствую!..»

В 1970-м, когда мы встречались впервые, дочь Лиды, Зузана, вступала на сценический путь, а теперь она, Зузана Шавардова — представительница молодого поколения Национального театра. «Играет мои роли, — чуть грустно улыбается Лиды, — в том числе мою любимую Кристинку из «Наших гордецов». Выступаем и вместе, например, в «Мертвых душах» Гоголя. А сегодня, когда я впервые сыграю Класкову в «Фонаре», Зузана выступит в одном спектакле с отцом. Зденек в комедии Шрамека «Луна над рекой» — старый рыбак, Зузана — юная Ружена. Выступят они в Братиславе, там гастролирует часть нашей труппы».

А Зденек-младший, сын? Помнится, он говорил: неважно, кем стать, важно стать полезным людям. «Рисует, — отзывается Лиды. — И работает на фармацевтическом заводе. Кем же будет крошечная Мадленка — дочь актрисы, внучка актрисы? «Кем захочет. Я желаю ее поколению одного: чтобы война не зачеркнула на его пути ни дня». И добавляет тут же: «Не поймите это, как мое сожаление о чем-то в собственной судьбе. Даже если могла бы, в своей жизни ничего не изменила. Мы сознательно выбирали цель и путь к ней, знали, на что шли. И мы победили вместе с советским народом, благодаря ему».

Лиды вновь вспоминает Наташу Козлову. Она упорно искала советскую подругу и наконец нашла. Наташа, мастер трикотажной фабрики в Казахстане, гостила у Лиды в Праге. А потом они встретились в Москве. «Сколько ни приезжаю в Советский Союз, все вижу Страну Советов, ее людей глазами Юлека. Глазами восхищенными и благодарными».

Возвращаясь к центру Праги. Мой спутник-журналист говорит: «Позвольте кое-что прибавить к вашей беседе. За роль Матери в антифашистской пьесе Стеглика «Овраг убийц» Лиды Плаха награждена премией Союза писателей ЧССР. Не так давно ей вручена правительственная награда — орден Труда, присвоено звание заслуженной артистки Чехословацкой Социалистической Республики».

А сама об этом не сказала ни слова! Не упомянула и о напряженной работе, которую ведет в Союзе театральные работники. Отчего? Полагаю, Лиды Плаха ответила бы так: «Давно привыкла забывать о себе. И разве нам не хватало более значительных тем?!» Она не числит за собой подвигов. Только честно выполняемый партийный долг.

Л. ВИРИНА,
спец. корр. «Советской культуры».

ПРАГА — МОСКВА.